

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Прагматизм Чарльза Пирса
Реферат по Философии
Аспиранта I года обучения
Лакштанова Евгения Леонидовича
(Кафедра ТФФА)

Москва, 2002

Прагматизм Чарльза Пирса.

Прагматизм – есть течение в философии, считающее практическую полезность решающим критерием истинности. Такое суждение о прагматизме мы слышим повседневно, и естественно, оно отталкивает людей от близкого знакомства с философией Пирса, однако, это не совсем честно по отношению к ней, ибо если и существовали философы, являвшиеся последователями прагматизма и исповедавшие подобную максиму, то они имели небольшое отношение к прагматизму Пирса. «...Теперь же это слово иногда можно встретить уже и в литературных журналах, где с ним обращаются весьма безжалостно – такое часто случается со словами, попавшими в когти литераторов...» сетовал Пирс.

Чтобы поднять у читателя интерес к этой работе я приведу слова Бердяева: «...Я не сторонник прагматизма, но думаю, что симптоматическое его значение огромно. Прагматизм знаменует собой кризис отвлеченного идеала знания, кризис гносеологии кризис рационализма и интеллектуализма, возвращение к знанию, введенному в жизненную полноту. Прагматизм отказывается от отвлеченно-рационалистических критериев знания, от интеллектуалистической гносеологии... (Брд. Стр. 44)»

Должен сказать от себя, что, читая статьи «Закрепление убеждения», «Как сделать наши идеи ясными?» и «Что есть прагматизм?», я испытывал огромное удовольствие, наблюдая, как автор, действительно научными методами, то есть, отталкиваясь от эмпирического факта, индуктивно приходит к выводу, который опять же всецело согласуется с общечеловеческим опытом. При этом, не претендуя на нечто всеохватывающее, а со скромностью профессионального ученого, понимающего свое место в развитии человеческого познания. Прагматистская максима, развитая Пирсом ценна тем, что описывает как бы техническую составляющую человеческой жизни. Он описывает путь мысли, от своего зарождения к конечной своей форме – акту воли, и делает это на «низком» анатомическом уровне, принимая за аксиомы, то, что очевидно всем людям, независимо от принадлежности к той или иной культуры, и это делает теорию автора кирпичиком, который строитель уже полной метафизической конструкции мог бы просто вставить в свое строение. При этом, действительно, автор, отказывается от объективности истины, но делает это сознательно, так сказать на некоторое время: «Ясно, что ничто вне сферы нашего знания не может служить нам объектом, ибо, если нечто не воздействует на сознание, это нечто не может выступать в качестве мотивации в приложении умственных усилий (стр. 103)»

Вы увидите, что, говоря так, Пирс лишь хотел показать, что не достижение объективности на деле прекращает исследование, но лишь замыкание системы, бреши в которой послужили поводом к его началу. Далее в работе «Что есть прагматизм?» Пирс прямо выскажет свое интуитивное приятие объективной истины, как «мнения, которому судьбой уготовано стать общим соглашением всех исследователей», поскольку «всякий ум начинает по-своему, отправные точки ученых могут противоречить друг другу, но исследование заставляет ученых выходить за собственные пределы, стягивая все получаемые результаты к одному и тому же заключению (стр. 151)».

Наблюдая за жизнью людей, Чарльз Пирс приходит к выводу, что человеческое мышление в каждый момент времени находится в одном из четырех последовательных состояний: (винтовой линии) «покой -> сомнение -> исследование -> убеждение=покой», и в своих трудах он убедительно показывает, что, принимая, наше мышление за нечто более, мы лишь отдаляем себя от истины.

Говорят, что если автор во время работы над текстом, был полностью увлечен ею, то сила исходящая от книги будет не только прояснять изложенную мысль, но будет буквально против воли читающего создавать образ написанного. Я отчетливо вижу человека в черном костюме с белой сорочкой, с черным цилиндром и тростью, которой он, задумавшись, чертит что-нибудь на песке не замощенной дороги. Как он перебирает мелочь в кошельке, собираясь расплатиться с извозчиком, и в этот момент понимает, что занимается исследованием, и его теория, вероятно задуманная как инструмент анализа сложных философских понятий, может быть применена для описания любого аспекта человеческого мышления. Итак, по порядку:

Первостепенное значение для построения философской системы Пирс отдает качеству логики. Средневековые схоласты, считавшие силлогистику венцом образования, вряд ли могли сделать значимый вклад в науку, поскольку, как теперь, спустя много лет, всем нам ясно, она основывается на опыте, а не на авторитете. Следуя этому, развитию науки соответствовало изменение во взгляде на нее. Я приведу следующий отрывок полностью, дабы сохранить

право на эмоции за автором: «...Всякий важный шаг в истории науки одновременно служил и уроком логики. Так было, когда Лавуазье и его современники сделали первые открытия в химии. Прежняя максима, которой придерживались химики, была: «Читай, читай, читай, работай, молись и перечитывай». Методом Лавуазье было не читать и заклинать, но хранить надежду, что достаточно

продолжительный и сложный химический процесс приведет, в конце концов к такому-то и такому-то результату, который с нелепым упорством следует внедрять в практику, и после неизбежного провала вновь находить в себе силы для надежды, что с внесением некоторых изменений можно получить иной результат, и закончить все публикацией последней в этом ряду фантазии как факта (стр. 95)»

Пирс не всегда говорит о логике, как о наборе формальных импликаций и руководящих принципов, скорее он рассматривает ее как полную систему представления о бытии, на основании которой мы строим свои рассуждения.

Проведем вслед за автором следующее исследование: Как правило, на уровне ощущений мы можем различить, желаем ли мы задать вопрос или вынести суждение. Есть ли еще какие-нибудь различия между сомнением и убеждением? Последователи некоторых сект идут на смерть по малейшей команде своего руководителя, поскольку убеждены, что повиновение обеспечит им вечное блаженство. И в большей или меньшей степени, так дело обстоит с любым убеждением. Итак: «Убежденность служит указанием на то, что в нашей природе установлена некоторая привычка, определяющая наши поступки. Сомнение никогда не имеет такого эффекта (стр. 100)»

Сомнение по Пирсу есть состояние, характеризующееся тревогой и неудовлетворенностью. Поэтому, человек стремится избавиться от него и прийти к состоянию убежденности, которому, соответственно, характерны покой и чувство удовлетворенности. Резюмируем:

«Таким образом, и сомнение и убеждение оказывают на нас положительное, хотя и очень различное влияние. Убеждение не заставляет нас действовать немедленно, но помещает нас в такого рода обусловленность, которая обязывает нас совершать определенного типа поступки в соответствующей ему ситуации. Сомнение ни в коей мере не обладает таким активным эффектом. Оно побуждает нас к исследованию причин до тех пор, пока <благодаря этому исследованию само сомнение> не будет рассеяно. (стр. 102)»

Только, что мы упомянули, что сомнение побуждает нас к исследованию, которая длится лишь до тех пор пока оно не будет рассеяно. Это утверждение и определяет цель исследования: «Раздражающее воздействие, которое оказывается сомнением, есть единственная непосредственная мотивация борьбы за достижение состояния убежденности (стр. 103)» соответственно при успокоении раздражения, успокаивается и борьба. Очень интересен тот факт, что

Пирс напрямую связывает наши убеждения и желания. Вот логическая цепочка:

- 1). Убеждение способно направлять наши поступки на удовлетворение наших желаний.
- 2). Это заставляет нас внимательно анализировать убеждения определяющие путь к исполнению нашего желания.
- 3). Мы вынуждены отказаться от убеждения, форма, которого не гарантирует успешный исход, и это возможно лишь с возникновением сомнения, вытесняющего прежнее убеждение.

Таким образом, резюмирует Пирс: «с сомнения борьба начинается, и с прекращением сомнения заканчивается». Подобное представление о взаимосвязи между убеждениями и желаниями вовсе не примитивно, если так кому-то показалось при поверхностном рассмотрении. Мы желаем не только поест, приобрести, достичь, но также мы можем желать понять, как устроена орбита Марса, или, возможно, мы можем быть одержимы желанием обладать каким-то нравственным качеством и так, далее. <На самом деле приведенное построение будет верно, лишь в том случае если наше желание уже зафиксировано и не подлежит ни замене, ни даже частичной коррекции. Более широкая концепция подразумевает дополнение третьего пункта замечанием, что может поменяться наше желание.>

Для любого человека признающего объективность истины, в частности, для верующего человека, такое решение вопроса о цели исследования, естественно, неприемлемо, и это, был очень неаккуратный поступок со стороны Пирса, изложить этот вопрос без должных пояснений, хотя, как я говорил в начале, Пирс обсуждает проблему объективности истины в своей работе «Что есть прагматизм». Разберем подробнее, что автор имеет в виду: «...Мы можем вообразить себе, что этого не достаточно и что мы ищем не просто мнение, но мнение истинное. Но подвергнем эту фантазию испытанию, и она докажет свою несостоятельность. Ибо как только мы обретаем устойчивое состояние убежденности, мы полностью удовлетворены, истинно убеждение или ложно. Ясно, что ничто извне сферы нашего знания не может служить нам объектом, ибо если нечто не воздействует на сознание, этот нечто не может выступать в качестве мотивации в приложении умственных усилий(стр. 103)» Итак, Пирс говорит только о том, что если в человеческой модели какого-то объекта, возникает разрыв, то человек начинает исследование, которое заканчивается при восстановлении целостности системы, и это единственный разумный критерий истинности, который мы можем найти внутри нашего

сознания. Допустим, теперь, что вне нас все же есть источники могущие воздействовать на наше сознание. Рассмотрим в качестве примера христианское понимание действия на человека Святого Духа: Христиане полагают, что могут общаться со Святым Духом. Этот опыт индивидуален, и, как правило, со временем, христианин вырабатывает критерии, по которым он различает источник влияния на себя. Влияние может выражаться и оформленными мыслями и просто «сердечным действием». Назовем эти критерии критериями истинности. Итак, на практике человек приходит к убеждению, что мысль, проверенная критериями истинности является истинной. Итак, если раньше, чтобы удовлетвориться гармоничностью системы он проводил умственный анализ, основанный, возможно, на Предании и св. Писании, то теперь ему может мешать просто некоторое неудобное ощущение, которому по некоторым признакам он дает высокий приоритет. Мы видим, что на самом деле, изменятся не сам метод познания или цепочка покой->сомнение->исследование->убеждение, а лишь набор критериев достаточных для получения убеждения.

Итак, мы разобрались в том, что установление мнения есть единственная цель исследования. Или вернее не исследования, а того умственного процесса, которое вызывается в нашем сознании раздражающим действием сомнения. Термин «исследование» не всегда подходит для описания этого звена цепочки, и действительно, почему бы нам просто не остановиться на какой-нибудь, по тому или иному признаку, понравившейся нам фантазии и не принять ее в качестве ответа на поставленный вопрос? Этот метод закрепления нашего убеждения назван Пирсом методом упорства (*tenacity*), и его изучением не стоит пренебрегать ибо, несмотря на свою юмористичность при взгляде со стороны, этим методом пользуются очень много людей регулярно, и вероятно большинство - иногда. Это хорошо иллюстрируется случаем из жизни автора, который он описывает на страницах своей статьи «Закрепление убеждения» (стр.107). «... Помню, как в свое время меня пытались предостеречь от чтения одной газеты, которая могла повлиять на мое мнение относительно свободной торговли. «Чтобы я не попался на удочку ее неосновательных доводов и ложных умозаключений», - такова была формулировка. «Ты не особенно искушен в политической экономике. Велика вероятность, что за частными вопросами ты не увидишь главного и легко позволишь себя обмануть, так что, прочитав эту газету, уверуешь в справедливость протекционизма. Сейчас же ты вполне убежден в необходимости свободной торговли и не желаешь верить в обратное». Я знаю множество случаев, когда подобный способ размышления сознательно брался на вооружение.

И все же гораздо чаще инстинктивная неприязнь к неопределенности, усиливающаяся страхом сомнения, заставляет человека судорожно цепляться за мнение, которого он придерживался изначально...» Если этот метод не был взят на вооружение сознательно, то единственным путем его преодоления является понимания равноценности своих идей и идей окружающих.

Следующий метод, который мы рассмотрим, называется методом авторитета. Он реализуется в обществе, чьи интересы зависят от поддержания тех или иных конкретных положений. Человек впитывает в себя положения, принятые в обществе, в процессе воспитания, и в основной своей массе придерживаются их всю жизнь. Любое общество в некоторой степени авторитарно и это определяет место метода авторитета в жизни каждого человека. «...Самые крупные умы человечества никогда не смеют и не осмеливаются теперь произносить вслух все свои мысли. Тень сомнения *prima facie* лежит на каждом суждении, которое может иметь значение для общественной безопасности. Само по себе кажущееся скорее исключением, наказание не всегда приходит извне. Человек вдруг обнаруживает себя убежденным в том, к чему в соответствии с полученным воспитанием он должен относиться не иначе как с отвращением. Поэтому человеку по природе миролюбивому и открытому так трудно сопротивляться искушению подчинить свое мнение авторитету власти... (стр. 122)» Опять же, в таком обществе всегда находятся люди способные подчинить рефлексии тот факт, что, например

а). Большинство их взглядов обусловлено воспитанием и образованием. б). Люди, живущие (жившие) в других сообществах придерживаются (придерживались) взглядов отличных от тех, которых придерживаются они сами, и нет особых причин ставить собственные представления выше, чем таковые других народов и эпох.

Такая логическая цепочка ведет нас к новому, более совершенному, методу установления мнения, который бы не только способствовал закреплению того или иного убеждения, но и оставлял за нами возможность выбора какое из положений должно быть принято на веру.

«...Если дать естественным предпочтениям действовать беспрепятственно, то люди, попадая под их влияние, сообща и всесторонне обсуждая различные насущные проблемы, постепенно усовершенствуют свои убеждения, приведя их в состояние гармонии с естественными причинами. Такой метод сходен с тем, под влиянием которого зреет и приходит к окончательной завершенности художественный замысел...(стр. 112)» Это звучит

вдохновенно, но как показывает история, попытки применить априорный метод часто приводили в тупик, и как правило, из-за того, что подобная поэтическая настроенность побуждала строителей соответствующих метафизических систем основываться скорее не на наблюдаемых фактах, а на положениях, которые казались создателям наиболее «соответствующими Разуму». Вспомним, например, Платона, который находит соответствующим Разуму утверждение, что расстояния между небесными сферами должны быть пропорциональны длинам струн, звучание которых является выражением абсолютной гармонии. Мы видим, что этот метод, превосходит двух своих предшественников, поскольку даже в наименее развитой своей форме получил такую творческую и индивидуальную окраску. Однако легко заметить, что до универсальности ему еще далеко, ведь ясно, что другому человека может показаться наиболее согласующейся с Разумом другая картина мира, возьмем, скажем, теорию Кеплера, согласно которой небесные тела пропорциональны сферам, вписанным внутрь и описанным вокруг правильных геометрических фигур. Мы видим, что реальная сущность этого метода состоит в том, чтобы иметь такие убеждения, к которым вас подталкивает естественная склонность ума. Это чем-то напоминает совершенствование вкуса, что в свою очередь является всего лишь вопросом моды.

Итак, мы видим, что наличие различных мнений должно привести нас к проблеме создания теории наиболее универсального характера. Мы не можем свести наш метод лишь к процессу предупреждения возможного влияния случайных обстоятельств. Пирс справедливо замечает, что подобная методика неестественна и ведет лишь к запутыванию человека притягивая все новые и новые обстоятельства. «...Следовательно, чтобы побороть сомнения, необходимо найти метод, согласно которому наши убеждения определяются не чисто человеческими обстоятельствами, но некоторым внешним сознанию постоянством (permanency), на которое наше мышление не имеет никакого влияния, но которая, в свою очередь, неизменно стремится оказать влияние на мысль...(стр. 117)» Причем, это внешнее постоянство не должно ограничиваться в своем влиянии одним индивидуумом: «...Это должно быть что-то такое, что воздействует или может воздействовать на всякого человека. И хотя все возможные воздействия с необходимостью столь же различны, сколь и обстоятельства жизни каждого индивидуума, метод должен быть выстроен таким образом, чтобы окончательные выводы, к которым приходит каждый, были подобны. Или были бы подобны, если бы исследование было бы продолжено с достаточным упорством...(стр.

118)» Ясно, что ничто в этом мире не сможет гарантировать нам существования внешнего постоянства, обладающего описанными выше свойствами, поэтому мы принимаем в качестве гипотезы следующие положения:

1. Существуют Реальные вещи, свойства которых не зависят от нашего о них мнения.
2. Эти реальные вещи воздействуют на нас в соответствии с некоторыми постоянными законами.
3. Характер этих законов таков, что любой, обладающий хорошим запасом *опытных* знаний, после достаточно долгого логического рассуждения придет к Истинному умозаключению.

Приведем также некоторое оправдание нашего выбора указанной аксиоматики. Например, постараемся ответить на вопрос откуда нам известно о существовании неких Реалий? Любой метод закрепления убеждения создается по причине переживания неудовлетворенности, создаваемой наличием двух различных пропозиций. «...Но самим этим фактом уже делается едва различимая уступка в пользу того, что имеется во всяком случае некая *одна* вещь, которую пропозиция должна репрезентировать...(стр. 118)» Далее, поскольку метод исследования основан на опыте, то, естественно, он не может быть подвергнут сомнению на основании практики этого исследования, как это могло бы произойти с любым другим из описанных ранее методов.

Стоящая перед нами задача, это описание метода научного исследования. Мы говорили ранее, что целью всякого исследования является выработка мнения, убеждения и в конечном итоге привычки. Подойдем теперь к этому с другой, более привычной для нас стороны. Итак, пусть целью нашего исследования является установление истинного мнения. Но в силу нашей искренности мы должны понимать, что признав истинность за некоторой пропозицией мы делаем нечто большее чем принятие определенного мнения, - мы делаем выбор имеющий важной значения для нашей жизни, поскольку однажды выбрав его мы остаемся связанным с ним на долгое время и он должен внести соответствующие изменения в образ нашей жизни. «...Сила привычки иногда заставляет человека цепляться за прежние убеждения даже после того, как он уже в состоянии видеть, что они утратили свою прежнюю значимость. Но рефлексивная оценка сложившегося положения вещей (the state of the case) преодолевает привычку, и он должен предоставить рефлексии полную силу. Люди иногда малодушничают, утешая себя идеей, что убеждения, которые – и они сами не могут этого не осознавать – ни на чем не основаны,

продолжают приносить пользу. Но если они только попытаются представить себе ситуацию другого, аналогичную той, в которой сами находятся, если они спросят себя, что могли бы они сказать об обращенном в христианство мусульманине, который не решается отказаться от своих старых понятий о взаимоотношении полов или о ставшем протестантом католике, все еще не решающемся прочесть Библию на родном языке? Неужели они не скажут, что эти люди должны рассмотреть вопрос со всех сторон, ясно понять новое учение, и затем принять его во всей его полноте? Но прежде всего следует признать, что в убеждении наиболее важна его цельность и что избегать обращения к той или иной вере из страха, что она может оказаться устаревшей, столь же безнравственно, сколь и невыгодно. Предположим, некто убежден, что имеется такая вещь, как истина, тем и отличающаяся от неправды, что если действовать в строгом соответствии с ней, то она, по здравом размышлении, приведет его к тому, к чему он стремится, и не даст сбиться с пути. Но если затем, не отказавшись при этом убеждения, он не осмеливается узнавать истину и стремится избегать ее, этот некто, несомненно, находится в жалком состоянии ума... (стр. 123)»

Мы видим, что в основу научного метода познания должно быть положено ясное представление о предмете изучения. Я хотел бы еще раз напомнить, что прагматизм не ставит своей целью метафизическое описание мироустройства или раскрытие перед человеком смысла его жизни, нет, он не претендует на это, осознавая что не обладает фундаментом для подобных исследований. Прагматизм лишь помогает человеку разобраться в своих мыслях, чувствах, желаниях. Он помогает человеку навести порядок у себя дома, и соответственно, избежать описанных выше казусов. Прагматизм, есть философия цельной личности, только если, например, такое качество, как свобода, является априорным, цельность личности воспитываема. И, на самом деле, мы увидим ниже в примерах применения прагматистской максимы, как хорошие физические модели успешно описывают действительность, так выводы, полученные на основе применения прагматизма, хорошо сочетаются с действительностью нравственной.

Сейчас мы сделаем ряд замечаний о характере и свойствах таких явлений как мысль и убеждение. Они не обязательно будут последовательно связанными, но уверяю вас, занимательны и очень важны для осознанного применения прагматистского метода.

Вспомним, что мы выяснили, что мысль вызывается к действию благодаря раздражению, причиной которого является сомнение, и успокаивается с обретением убеждения, что, соответственно, и является ее главной целью. «...Понятия сомнения

и убеждения привычным образом связаны с религиозной тематикой. Я же использую их здесь для обозначения того, в чем берет начало всякий вопрос вообще, независимо от степени его важности – в первом случае, и того, в чем находи себя его решение – во втором. Если я, к примеру, взяв извозчика, по пути достаю кошелек и извлекаю из него один пятицентовик и пять медяков, то пока я роюсь в кошельке в поисках монет, я решаю, как именно мне следует заплатить. Утверждая, что подобный вопрос является выражением Сомнения, а решение его представляет собой Убеждение, я, конечно же использовал бы неадекватный ситуации словарь. Считать такого рода сомнение причиняющим реальное раздражение, требующее достижения состояния умиротворения, значило бы иметь в виду человека нрава в высшей степени беспокойного, граничащего почти, что с безумием. Однако, рассмотрев вопрос ближе, должно признать, что будь у меня малейшие колебания по поводу того, заплатить мне медью или одной монетой (а они непременно появятся, если только я не действую некоторым привычным для данных обстоятельств образом), и хотя о раздражении в нашем случае говорить вряд ли приходится – все же эти колебания приведут к возникновению у меня минимально умственного напряжения, которого должно быть достаточно, чтобы решить, как именно мне следует поступить. Чаще всего сомнения возникает из некоей сопровождающей наши действия, пусть даже кратковременно, нерешительности... (стр. 131)» Здесь Пирс говорит о применимости описанной выше модели «сомнение->исследование->убеждение=покой->сомнение» во всех областях человеческого мышления.

Следующая ситуация: «...например, я вынужден ждать поезд на станции и, чтобы заполнить время, принимаюсь изучать расписание. Я сравниваю преимущества различных поездов, представляю себе маршруты, по которым никогда не буду путешествовать. Я просто воображаю себе состояние неуверенности, в котором находился бы в случае реального выбора, потому что мне скучно и необходимо чем-то себя занять. Воображаемое просто ради развлечения или для целей более высоких состояние нерешительности играет важную роль в научном исследовании. Каким бы образом сомнение ни возникало, оно побуждает ум к действию едва заметному или весьма энергичному, размеренному или беспокойному. Образы стремительно проходят через сознание, плавно перетекая один в другой, пока, наконец – через долю секунды, через час, спустя долгие годы – мы не обнаруживаем, что нашли решение по поводу того, как должно действовать в обстоятельствах, подобных тем, что послужили причиной нашей

нерешительности. Или другими словами, мы обретаем убеждение... (стр. 132)» Здесь автор опять подчеркивает, что даже в воображении исследование завершается принятием образа действия, которым вы, не задумываясь, воспользуетесь в реальной ситуации. Если Вы не знаете об этом, проведите следующий эксперимент: заметим, что наше отношение к каждому отдельному человеку непосредственно зависит от нашего о нем мнения, хотя бы мы и не продумывали, как мы будем себя с ним вести. Найдите среди вашего окружения человека, к которому ваше отношение небрежно, или, например, вам неприятно, по какой либо смутной причине о чем-то его попросить. Задайте себе вопрос: «А что представляет собой этот человек? Что я о нем думаю?» Вы, несомненно, найдете причину вашего поведения. Вы, сформулируете: «Этот человек ничего собой не представляет» или «он очень нехороший человек, поскольку позволяет себе то-то и то-то». Попробуйте тогда найти в нем что-то заслуживающее уважения, и как только, к вашему мнению о человеке прибавится положительный пункт, вы увидите, как изменится ваше отношение, хотя вы и не говорили себе «Я был очень груб с ним, мне надо постараться быть повежливей».

Возможно, многие из вас во время затянувшегося спора замечали, что как это не странно, но вы с оппонентом отстаиваете одну и ту же точку зрения. Конечно, диалектика имеет большое значения для прояснения значений наших мнений, но все же, как можно избежать подобных казусов? Для этого необходимо ясное понимание значения утверждаемой пропозиции.

“...Прагматический метод - это, прежде всего метод улаживания философских споров, которые без него могли бы тянуться без конца. Представляет ли собой мир единое или многое? - царит ли в нем свобода, или необходимость? - лежит ли в основе его материальный принцип или духовный? Все это одинаково правомерные точки зрения на мир, - и споры о них бесконечны. Прагматический метод в подобных случаях пытается истолковать каждое мнение, указывая на его практические следствия. Какая получится для кого-нибудь практическая разница, если принять за истинное именно это мнение, а не другое? Если мы не в состоянии найти никакой практической разницы, то оба противоположных мнения означают по существу одно и то же, и всякий дальнейший спор здесь бесполезен. Серьезный спор возникает только в том случае, когда мы можем указать на какую-нибудь практическую разницу, вытекающую из допущения, что права какая-нибудь одна из сторон... (Дж.)”

Сделаем попытку обосновать подобный подход, для чего разберем некоторые свойства мысли и убеждения. В нашем сознании мы можем наблюдать два типа элементов сознания, те которые мы

сознаем непосредственно, и те, что доступны для сознания опосредованно. Например, единичный музыкальный тон, и, соответственно, музыкальный отрывок. «...Что же есть собственно убеждение? Это полукаданс, завершающий отдельную музыкальную фразу, входящую в симфонию нашей интеллектуальной жизни. Необходимо отметить, что убеждение имеет три функциональных свойства: первое, оно есть нечто осознаваемое нами; второе, оно устраняет вызываемое сомнением раздражение; и третье, оно приводит к укоренению в нас управляющего нашими действиями закона, или, говоря короче, привычки. Когда убеждение ослабляет раздражающий эффект сомнения, мотивирующий действие мысли, напряжение мысли падает и она обретает покой на тот момент, когда состояние убежденности наконец достигнуто. Но убеждение есть управляющий действием закон, применение которого также сопровождается сомнением, которое снова влечет за собой мысль. Поэтому, являясь местом остановки мысли, убеждение также представляет собой область, втягивающую мысль в новое движение. Вот почему я позволил себе назвать убеждение покоем мысли, несмотря на то, что самая суть мысли состоит в движении. Конечный результат мышления состоит в акте воли. В последнем мысль уже не принимает более никакого участия. Убеждение же – только арена мыслительного действия, эффект, укореняющийся в нашей природе и зависящий от мысли, оказывающий влияние на мысль за ней следующую (стр. 134)»

Я часто замечал, как люди могут подчинять свою жизнь правилам, строго вытекающим, по их мнению, из основополагающих принципов человеческой морали. Однако, редкие из них, могли объяснить мне, что же именно побуждает их придерживаться своих взглядов. И это очень страшная вещь, заставляющая человека шагать по заколдованному кругу. Эту мысль хорошо выразил Пирс в нескольких словах: «Мы должны отдавать себе отчет в том, что *смутная мысль субъективна*. Но вместо этого мы обманываем себя, воображая, что имеем дело с качеством самого объекта, на деле представляющего собой чистую мистификацию...(стр. 135)» В следующем отрывке автор дает непосредственную методу различения двух убеждений:

«...Сущность убеждения – в установлении привычки. Убеждения различаются по способу действий, которым они дают начало. Если убеждения не имеют такого различия, если они ослабляют одно и то же сомнение, вырабатывая один и тот же управляющий действиями закон, то различие в способах самого осознания этих убеждений вносит в убеждения не больше различий, чем исполнение мелодии в различных тональностях – в саму мелодию. Разграничения, которые

часто проводятся между убеждениями, на деле отличающимися только по способу выражения, суть продукты воображения, хотя споры, возникающие по этому поводу, вполне реальны... (стр. 134)»

«...Чтобы понять все значение принципа Пирса, надо научиться применять его в конкретных случаях. Несколько лет тому назад я заметил, что Оствальд, знаменитый Лейпцигский химик, превосходно пользовался принципом прагматизма в своих лекциях по натурфилософии, хотя он и не называл его этим именем.

"Все виды реального, - писал он мне, - влияют на нашу практику, и это влияние и есть их значение (meaning) для нас. На своих лекциях я обыкновенно ставлю вопрос следующим образом: что изменилось бы в мире, если бы из конкурирующих точек зрения была верна та или другая? Если я не нахожу ничего, что могло бы измениться, то данная альтернатива не имеет никакого смысла".

Иначе говоря, обе конкурирующие точки зрения означают практически одну и ту же вещь, - и другого значения, кроме практического, для нас не существует. В одном напечатанном докладе Оствальда мы находим пример, хорошо поясняющий его мысль. Химики долгое время спорили о внутреннем строении некоторых тел, называемых "таутомерными". Свойства их, по-видимому, одинаково хорошо согласовались как с предположением, что внутри них находится в колебательном движении неустойчивый атом водорода так и с гипотезой, что они представляют собой неустойчивые смеси из двух тел. Завязался ожесточенный, не приведший ни к чему определенному спор. "Спор этот, - замечает Оствальд, - никогда бы и не начался, если бы спорившие спросили себя, какая окажется на опыте разница, если допустить, что верна та или иная точка зрения. Тогда бы ясно обнаружилось, что никакой такой фактической разницы не может получиться, и оказалось, бы, что весь этот спор столь же нереальный и мнимый, как препирательство каких - ни будь первобытных людей о том, благодаря кому подымается тесто, благодаря ли эльфам или гномам".

Любопытно видеть, как теряют все свое значение многие философские споры, раз только вы подвергнете их этому простому методу испытания и спросите о вытекающих из них практических следствиях. Не может быть разницы в одном каком-нибудь пункте, которая бы не составила разницы в каком-нибудь другом, - не может быть разницы в абстрактной истине, которая бы не выразилась в конкретных фактах и в вытекающем отсюда для кого-нибудь, как-нибудь, где-нибудь и когда-нибудь способе действия. Вся задача

философии должна была бы состоять в том, чтобы указать, какая получается для меня и для вас определенная разница в определенные моменты нашей жизни, если бы была истинной та или иная формула мира... (Дж.)»

«классический» пример применения прагматистской максимы в Евангелии: вспомните, как Христос решает одну из вечных иудейских проблем: «достойно ли иудею общаться с самарянином?», или «кто есть мой ближний?».

«На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь, ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же. (От Луки. 10. 30-37)»

Думаю, что сказанного достаточно для визуальной наглядности метода Пирса. «...В прагматическом методе нет ничего абсолютно нового. Сократ был приверженцем его. Аристотель методически пользовался им. С помощью его Локк, Беркли и Юм сделали многие ценные приобретения для истины. Шэдуорз Ходжсон настойчиво повторял, что действительность есть лишь то, за что она "признается". Но все эти предшественники прагматизма пользовались им лишь случайно, урывками... (Дж.)» Прагматизм состоит в том, что мы полностью отказываемся от рационалистического метода, и всегда, как бы нам не было тяжело, придерживаемся научного метода. В том, что мы отказываемся от смутных идей, и держим их на некотором умозрительном расстоянии от нашего сердца и разума, дабы принять в себя лишь то, с чем мы действительно согласны. В том, что наш дом должен быть построен на твердом фундаменте, состоящем из цельной философии нашего жизненного credo. (ср. Мф. 7. 25)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. (По умолчанию) Чарльз Пирс. Начала Прагматизма. «Алетейя», Санкт-Петербург, 2000.
2. (Дж.) У. Джеймс. Что такое прагматизм?
<http://philosophy.ru/>
3. (Брд.) Н. Бердяев. Философия Свободы. «АСТ», Москва, 2002.